

Немецкий научный текст и переводческие приемы его культурной адаптации

Социокультурные проблемы перевода. Вып. 7, ч.1. Воронеж 2006

В современной лингвистической теории перевод понимается как культурный процесс, позволяющий перевести текст из одной культурной системы в другую. Мы исходим из понятия культуры, сформулированного Ю.С. Степановым: «Культура – это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных ‘рядах’», под которыми автор понимает «эволюционные семиотические ряды», «парадигмы», «стили», «ранги», «константы» и т.д. [Степанов 2001; 40]. Это предполагает, что как исходный текст, так и его перевод должны вписываться в определенные эволюционные ряды и стили. К. Мюллер-Фольмер не без основания полагает, что пора отказываться от практики, когда перевод ориентируется только на оригинал; он должен ориентироваться и на принимающий язык [ср. Mueller-Vollmer 1998: 14]. Это положение распространяется и на перевод специальной литературы, в том числе научной. Немецкий ученый Г. Кельц выражает эту мысль такими словами: «Нет такой специальной области, на которую не наложил бы отпечатка культурная специфика» (перевод мой – О.К.) [Kelz 2002: 44].

Подъязык науки не составляет здесь исключения. Хотя его существенной чертой является объективность, это не выводит его из-под влияния этнического социокультурного сознания, что отчетливо проявляется при сопоставлении оригинального научного текста с его переводом на другой язык. Возникающие здесь переводческие проблемы во многих случаях объясняются с позиций межкультурных различий.

Статья построена на межкультурном сопоставлении книги Р. Келлера „Sprachwandel“ и ее перевода на русский язык, опубликованного в издательстве Самарского педагогического университета. Как практический переводчик попытаюсь объяснить трансформации, которые в процессе адаптации

текста к иной культурной среде казались мне неизбежными. Прежде чем перейти непосредственно к анализу, необходимо дать краткую характеристику особенностей немецкого научного текста с позиций русского читателя, особенностей, которые и послужили для меня толчком к тому, чтобы заняться переводом этого текста.

Книга Р. Келлера сильно отличается от академического стиля, в котором, как правило, выдержаны научные издания в нашей стране. В процессе перевода я не переставала удивляться эрудиции автора, его умению привести яркие примеры не только из области лингвистики, но и из повседневной жизни, экономики, биологии и других сфер, а также показать практическое значение абстрактной теории. Стиль автора можно назвать *научно-демократическим*. Русскому читателю, несомненно, бросится в глаза индуктивный метод, позволяющий создать иллюзию совместного добывания знания. Непривычна и простота изложения, граничащая с популизмом, но не переступающая этой границы. Книга остается в рамках научного жанра. Сопоставимые по стилю изложения русские издания обычно содержат в названии слово «занимательный» [ср., н-р, Девкин 1998].

Раскрывая свои принципы, автор пишет в предисловии: «Моей целью было и остается писать так, чтобы на тексте не были заметными муки исследователя» [Keller: 11]. В немецком языке существует специальный термин, обозначающий такой стиль: *Leserfreundlichkeit*, то есть, *дружелюбность по отношению к читателю*.

Еще одна особенность затрагивает форму самопрезентации, включающую проблему авторского «я». Автор употребляет исключительно это местоимение, что с позиций русской научной этики недопустимо. Это межкультурное различие, со всей очевидностью проявляющееся в научном тексте, восходит к различиям в национально-этнической ментальности, эмоциональной предрасположенности и – шире – в этническом сознании. Так для русской ментальности, в рамках которой работают отечественные ученые, характерна эстетичность [ср. Лабашук 2004]; возможно, именно это и служит одной из

причин выбора для обозначения автора местоимения *мы*, в том числе и в тех случаях, когда однозначно подразумевается одно лицо: автор текста. По европейским стандартам это, по меньшей мере, вызывает недоумение. В отечественной традиции, напротив, такое употребление местоимения типично для научного стиля и характеризует скромность автора. Специальный анализ диссертаций русских авторов не выявил ни одного случая нарушения этого стандарта [Болдырева, Кашкин 2002: 103].

Пробный анализ научных текстов русских авторов показывает, что в этом стиле развилась целая система, служащая «скромной» самопрезентации. В этой системе взаимосвязаны такие средства, как: притяжательное местоимение *наш*; побуждение с помощью 1-го лица множественного числа (ср.: *приведем примеры*); неопределенно-личные и безличные предложения, например, со словами *можно / нельзя*, которые позволяют автору по умолчанию присоединиться к мнению других; пассивные и рефлексивные конструкции (ср.: *часто встречается...*), которые «затеняют» позицию автора [Кострова 2005].

Имплицитный «уход» автора в тень имеет, на наш взгляд, глубокие корни в присущем русским коллективистском сознании, которое нередко побуждает ученых работать в рамках определенной *школы*. Западные ученые, воспитанные в духе индивидуалистского сознания, стараются привести аргументы в пользу *собственной концепции*, подчеркнуть ее уникальность.

Еще одно различие связано с национальным психо-эмоциональным складом русских, который характеризуется более высоким, по сравнению с европейцами, уровнем эмоциональности. Это влечет за собой *оценку* чужих трудов, в том числе и положительную. Рационализм европейцев расценивает похвалу в научных кругах как “*Anbiederei*” [vgl. Jahnel 2000: 57], то есть *подхалимаж*.

Описанные различия и послужили толчком к моей переводческой деятельности. Перефразируя Р. Келлера, можно сказать, что мне хотелось сделать такой перевод, чтобы по нему не были заметны муки творчества. Преж-

де всего, предстояло решить, какие межкультурные различия следует сохранить, чтобы книга сохранила свое «лицо» и в русском варианте, а что лучше изменить, адаптируя книгу для русских читателей. Решение было таким: чтобы не изменять радикально авторский стиль, мне пришлось оставить местоимение *я* в качестве средства самопрезентации; дружеский настрой по отношению к читателям предполагал необходимость определенных изменений. Перейдем к этим изменениям.

Методы и приемы межкультурных переводческих трансформаций, насколько мне известно, еще не систематизированы, хотя определенные попытки в этом направлении и предпринимаются. Например, проведена межкультурная адаптация перевода одной из грамматик серии «Дуден» на венгерский язык [Földeš 2002:14 f.f.]. Продолжая эту линию, попытаемся показать, какие трансформации необходимы для адаптации к русской культуре перевода немецкого научного текста.

Необходимые трансформации касаются трех аспектов, связанных с эволюционными рядами научных текстов в немецкой и русской культуре. Речь идет не о привычных чисто языковых изменениях, производимых при переводе на разных уровнях языка (категориально-морфологических, синтаксических, лексических и глубинных) [ср., например, Латышев 2000: 257]. При межкультурном подходе речь идет, во-первых, о **межкультурных трансформациях**, обусловленных *отсутствием* в принимающей культуре определенных *прецедентных текстов и ситуаций*. Во-вторых, чтобы перевод легко читался, он должен учитывать **различия в языковом употреблении и оформлении научных текстотипов**. Наконец, в научном переводе очень важна **проблема терминов и транслитерации имен**, которые, с одной стороны, должны быть узнаны в новой читательской аудитории, а с другой стороны, должны стать прецедентами для дальнейшего употребления. Учет перечисленных аспектов влечет за собой применение специальных переводческих приемов, нацеленных на то, чтобы смысл переведенного текста оказывал в принимающей культуре воздействие, аналогичное тому, какое оказывает

оригинальный текст в исходной культуре. Переводчик, активно участвуя в межкультурной коммуникации, интерпретирует знаки одной языковой культуры знаками другой языковой культуры [Фесенко 2004: 115].

«Скрытый перевод»

Теоретики перевода говорят о необходимости преодоления различий в фонде прединформационных знаний, свойственных представителям разных культур [Латышев 2000: 34]. В этом случае может помочь межкультурный переводческий прием, известный как «скрытый перевод». Цель переводчика состоит при этом в том, чтобы «отобразить эквивалентное культурное событие, то есть реконструировать функцию, которую выполнял оригинал в своем дискурсивном окружении» (перевод мой – О.К.) [House: 106]. Этот метод предполагает, что передается не содержание оригинального текста, а его смысл. Переводчик должен учитывать при этом систему ожиданий, существующую в принимающей культуре. Такой подход влечет за собой пересмотр понятия «переводческой верности», его интерпретацию как креативности в смысле ‚problem solving activity’ [Bălăcescu/Stefanink 2004: 124].

Подобная креативность необходима переводчику в случае отсутствия в принимающей культуре прецедентных текстов, известных в исходной культуре. К таким *прецедентным текстам* относятся некоторые приводимые автором цитаты. С позиций межкультурных различий в книге Р.Келлера встречаются два типа цитат: на немецком и на других языках. К немецкоязычным цитатам, которые на языке оригинала не известны русскому читателю, относятся тексты из Гете. Круг людей, которым в России доступны эти тексты, ограничивается германистами, тогда как книга Келлера обращена к более широкому слою читающей публики, охватывающим не только германистов, но и социологов, политологов, экономистов и политиков. Поэтому мне показалось оправданным заменить цитаты из Гете цитатами из Пушкина, известными русским читателям. Словарь Пушкина, так же как и словарь Гете, регистрирует многочисленные изменения в значениях слов, которые

произошли со времени Пушкина. Насколько мне известно, английский переводчик этой книги применял такой же прием.

Подобным образом мне пришлось заменить прецедентные тексты из немецких газет послевоенного времени соответствующими текстами из русских газет того же периода. Этот культурный фильтр представился необходимым, поскольку переводчик обязан учитывать разные пресуппозиции читателей (немецких и русских), к которым обращен текст [House: 106]. Оригинальный текст Келлера приведен в примечании переводчика. В основном тексте параллельно с примерами развития значения некоторых немецких слов приводятся – в рамках скрытого перевода – аналогичные примеры из русского языка, ср.: *U-Boot* – *подводная лодка*, *einen Film drehen* – *снимать фильм* [Keller 20; Келлер 32]. Таким образом, как германисты, так и непрофессионалы в этой области могут почерпнуть для себя при чтении новую информацию.

«Супер»перевод

Второй вид прецедентных текстов образуют *иноязычные цитаты* преимущественно из работ английских философов, экономистов и политиков. Нередко они полностью или частично приводятся на языке оригинала. Следуя отечественной традиции оформления научного текста, я посчитала необходимым перевести эти текстовые вкрапления на русский язык, то есть применить «супер»перевод. В виде частичных цитат Р. Келлер приводит названия социально-экономических теорий, представляющих символы соответствующих прецедентных текстов. Это, например, такие термины, как *Invisible-hand-Erklärung* и *Rational-choice-Theorie* [Keller:164]. Английские элементы этих терминов не употребительны в русской научной среде; кроме того, их сохранение в оригинале было бы слишком чужеродным элементом в русском тексте (ср.: *объяснение с помощью Invisible-hand* или *теория Rational-choice*), поэтому я вставила канонические термины: *объяснение посредством невидимой руки* и *теория рационального выбора*.

Иноязычные цитаты из латинских и греческих текстов тоже требовали перевода на русский язык, ср.: *post-hoc-ergo-proper-hoc-Fehlschluss* – ложное умозаключение „после этого, значит, по причине этого (*post hoc, ergo propter hoc*)”; *physei und nomō* – природа – закон, *physei und thesei* – природа – традиции, законы.

Переводческий комментарий

Прецедентные ситуации, отсутствующие в русском языковом сознании, нуждались в переводческом комментарии. Так, например, представлялось необходимым объяснить слово *Jogging* [Keller 29], поскольку этот вид спортивной ходьбы не получил распространения в России. Другая прецедентная ситуация, которая отсутствует в русской научной традиции, касается применения метода, который в книге Келлера называется *Conjectural History*. Этот метод предполагает не историческое, а философское исследование путем построения гипотетической истории [Keller 59]. В русском переводе он назван *предположительной историей* [Келлер 83]. Комментарием служит английский оригинальный текст, в виде исключения оставленный параллельно с русским переводом.

Адаптация к иноязычному способу объективации

За **терминологическими трудностями** перевода скрываются культурологические причины двоякого рода. Одна из них кроется в различиях языкового сознания немцев и русских, что обуславливает различия в способе объективации связанных между собой понятий. А.И. Фефилов характеризует эти различия следующим образом: «В силу разнообразия и интенсивности немецкого словосложения и семантический самодостаточности русских простых цельнооформленных слов немецкое и русское языковое сознание по-разному объективирует соотношение мыслительных понятий, а именно: (а) немецкое языковое сознание – способом номинативно-семантического обобщения [...], (б) русское языковое сознание – способом номинативно-семантического дробления» [Фефилов 2003: 84-85]. Это различие проявилось уже при переводе названия книги. В немецком оригинале книга называется

„Sprachwandel“ , что можно перевести на русский язык несколькими способами. Однако все возникающие варианты – это словосочетания, ср.: *Изменения языка; Преобразования в языке; Языковое изменение* и, наконец, *Языковые изменения*. Выбор последнего варианта обусловлен следующими причинами. Во-первых, я предпочла слово *изменения* слову *преобразования* в силу его меньшей «активности», вследствие чего оно лучше сочеталось с «невидимой рукой». Во-вторых, я заменила единственное число оригинала множественным числом, потому что немецкое сложное слово имеет более абстрактное значение сравнительно со словосочетанием *Wandel der Sprache*, что в русском языке лучше передается множественным числом. Наконец, я учла узус принимающего языка.

В переводе множество подобных примеров. Русские терминологические сочетания содержат, как правило, определения в виде прилагательных, родительного падежа или существительного с предлогом, ср.: *Individualkompetenz – индивидуальная компетенция, Funktionsanalyse – функциональный анализ, Sprachursprung – происхождение языка, Natürlichkeitstheorie – теория естественности, Lautverschiebung – передвижение согласных, Finalitätstheorie – тезис о финальности, Handlungswahlfunktion – функция выбора действий, Sprachwandelgesetz – закон языковых изменений*.

Другой вид терминологических трудностей состоит в том, что автор употребляет такие термины, которые не зафиксированы ни в немецких, ни в русских словарях. Так из работ современного биолога Р. Докинса (R. Dawkins) он заимствует термин *das Mem*, обозначающий единицу памяти [Keller 198]. Ясно, что термин восходит к латинскому языковому фонду. Я транслитерировала термин как *мема*. Встречающийся дальше термин *Mem-pool* (дословно: *бассейн мем*) переведен как *мемофонд* [Келлер 258]. Для обозначения конкурирующих форм обозначения одного содержания Келлер употребляет термин *Allele* [Keller 199]. Мне представилось, что более понятным будет термин *аллеломорф*, продолжающий терминологический ряд *аллофон, алломорф*.

Еще один тип терминологических трудностей возникает в случаях, когда уже есть русский вариант перевода, но он представляется не совсем удачным. Это касается, например, выражения Грайса *sprachliche Handlungsmaximen*. Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева перевели это выражение как *максимы речевого общения* [Арутюнова, Падучева: 26-27]. Представляется, однако, что слово *максимы* имеет в русском языковом сознании другие ассоциации, поэтому я выбрала выражение *правила языковой деятельности*.

Переводческие техники, применяемые при переводе терминов, можно обозначить как: выбор из имеющихся вариантов с учетом семантики обоих языков и узуса принимающего языка; транслитерация + адаптация к соответствующему русскому терминологическому ряду; учет ассоциаций в русском языковом сознании. Эти техники составляют метод адаптации к иноязычному способу объективации.

Учет узуса принимающего языка

Необходимость учета узуса принимающего языка можно проиллюстрировать такими примерами. В содержании книги в оригинале есть такой пункт: „*Natur versus Kunst – Gefühl versus Verstand*“. Перевод звучит: „*Природа – антипод искусства, инстинкт – антипод разума*“. Словечко *versus*, заимствованное современными европейскими языками, осталось мало известным (если не сказать неизвестным) в русской культурной среде, поэтому я заменила его на слово *антипод*. Другие пункты содержания гласят: „*Im Gefängnis der Dichotomien*“ и „*Argumente im Gefängnis*“. В русском языковом сознании слово *тюрьма* недопустимо ни в первом, ни во втором контексте. Первый заголовок звучит в переводе „*В плену противоположностей*“, второй – «*Аргументы в тупике*».

Учет метаязыкового оформления текстотипа

Особенности оформления текстотипов научного подъязыка можно отнести к метаязыковому уровню. При межъязыковом сопоставлении здесь

бросаются в глаза два момента, иллюстрирующие особенности оформления научных текстотипов.

Во-первых, различается введение цитат, которые в немецком и русском текстах по-разному оформляются пунктуационно и по лексическому наполнению вводных фрагментов, ср.: *in Fergusons Worten – говоря словами Фергюсона*.

Во-вторых, различия касаются отсылочных замечаний автора, которые в немецком тексте могут иметь более свободную форму, а в русском более формализованы. Например, Р. Келлер пишет: „*so sagte ich weiter oben*“. Я привела более привычную форму отсылки: „*как я отмечал выше*“. Дословный перевод был бы невозможен и в следующем случае: „*Der Begriff des sozialen Erfolgs wird noch in einem späteren Kapitel wichtig werden*“ [KELLER 1994: 122]. Русский вариант (КЕЛЛЕР 1994: 162): «*К понятию социального успеха мы еще вернемся в дальнейшей главе*». Применяемый здесь переводческий прием можно назвать: «выбор клишированного способа выражения, соответствующего текстотипу».

Транслитерация и транскрипция иноязычных имен

В заключение несколько слов о передаче собственных имен, которые некоторые авторы относят к опорным пунктам межкультурной коммуникации [ср. Ермолович 2001: 3]. Их можно рассматривать как межъязыковые заимствования. При их передаче переводчик чувствует себя зажатым между стремлением к транслитерации, с одной стороны, и сохранению фонетической формы, с другой. Преимущество транслитерации состоит в том, что имя не искажается в письменном тексте, что особенно важно, например, при поиске в Интернете [ср. Ермолович 2001: 17]. Исходя из этого, указатель имен в переводе следует составлять на двух языках, в зависимости от того, в какой форме имя встречается в тексте.

Международная система транслитерации разработана в одном направлении, а именно, для перевода кириллицы на европейские языки [ср.: Duden 1996: 86]. Этого нельзя сказать об обратном направлении. Д.И. Ермолович

полагает, что чистая транслитерация не актуальна для современной переводческой практики [ср. Ермолович 2001: 18]. Дж.К. Катфорд различает шаги транслитерации, которые ведут через фонологию к графологии [Катфорд 2004: 132]. Именно этому принципу я и следовала, но только в тех случаях, когда переводимое имя не канонизировано в принимающем языке. Вряд ли целесообразно было вводить фонетический принцип в таких именах, как *Лейбниц* или *Витгенштейн*. Такие имена как *Eyer*, *Stein* переданы фонетически: *Айер*, *Штайн*.

Приведенные размышления, с одной стороны, свидетельствуют о посредническом характере переводческой деятельности, которая делает возможным трансфер научного текста не только в другой язык, но и в другое языковое сознание и в другую культуру, облегчая тем самым его восприятие. К переводческим приемам, учитывающим прагматические адаптационные факторы, относятся «скрытый перевод» и «адаптация к привычной концептуальной системе и узусу принимающего языка». С другой стороны, сопоставление параллельных научных текстов выявляет определенную систематизацию их межкультурных особенностей, что представляется особенно актуальным для этнокультурной типологизации текстотипов. Учет межкультурных различий может способствовать расширению стилистических возможностей научного подъязыка и соотнесению понятийного аппарата различных национальных стилей.

Библиография

- АРУТЮНОВА, Н.Д./ПАДУЧЕВА, Е.В. (1985): Истоки, проблемы и категории прагматики: вступ.ст. В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Переводы. – Москва: Прогресс. (Вып. 16: Лингвистическая прагматика). – С. 26-27.
- БОЛДЫРЕВА, А.А./КАШКИН, В.Б. (2002): Особенности выражения авторского 'я' в научном дискурсе (на материале английских и русских письменных текстов). В сб.: Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж: Воронежский гос.ун-т. – С. 99-108.
- ДЕВКИН, В.Д. (1998): Занимательная лексикология. – М.:Гуманитарный издат.центр ВЛАДОС. – 312 с.
- ЕРМОЛОВИЧ, Д.И. (2001): Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. – Москва: «Р. Валент». – 200 с.

- КАТФОРД, Дж.К. (2004): Лингвистическая теория перевода: об одном аспекте прикладной лингвистики. Пер. с англ. В.Д. Мазо. – Москва: УРСС.– 208 с.
- КЕЛЛЕР, Руди (1997): Языковые изменения: о невидимой руке в языке. Пер. с нем. и вступ. ст. О.А. Костровой. – Самара: Самарский гос.пед.ун-т. – 307 с.
- КОСТРОВА, О.А. (2005): Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации. В сб.: Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. – Воронеж: Воронежский гос.ун-т. – С. 252-262.
- ЛАБАШУК, М. (2004): Модель коммуникации как семантизация культуры. В сб.: Восток – Россия – Запад: проблемы межкультурной коммуникации. – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии. – С. 6-15.
- ЛАТЫШЕВ, Л.К. (2000): Технология перевода.– Москва: НВИ-ТЕЗАУРУС. – 280 с.
- СТЕПАНОВ, Ю.С. (2001): Константы: словарь русской культуры. – Москва: Академический проект. – 990 с.
- ФЕФИЛОВ, А.И. (2003): Методологические основы транслятологии. –Ульяновск: Ульяновский гос.ун-т. – 243 с.
- ФЕСЕНКО, Т.А. (2004): Концептуальный перевод в структуре взаимоотношения «действительность – мышление – сознание – язык». В кн.: БОЛДЫРЕВ, Н.Н. (Гл.ред.): Вопросы когнитивной лингвистики. № 1.– Тамбов. С. 112-122.
- BĂLĂCESCU, Ioana/STEFANINK, Bernd (2004): Was bringt der Kognitivismus dem Übersetzer? (Kognitivismus im Dienste einer lernzentrierten Übersetzungsdidaktik). In: БОЛДЫРЕВ, Н.Н. (Гл.ред.): Вопросы когнитивной лингвистики. № 1.– Тамбов. S. 123-131.
- DUDEN (1996): Rechtschreibung der deutschen Sprache. 21., völlig neu bearb. und erweit. Auflage. DROSDOWSKI, Günther (Hrsg.) (Duden, Bd.1). – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverl. – 910 S.
- FÖLDES, Csaba (2002): Grammatik-Typologie und Grammatikographie. Überlegungen anhand einer „fremdsprachlichen Gebrauchsgrammatik“ des Deutschen. In: FÖLDES, Csaba (Hrsg.): Auslandsgermanistische Beiträge im europäischen Jahr der Sprachen. – Wien: Edition Praesens.– S. 3-24.
- HOUSE, Juliane (2002): Möglichkeiten der Übersetzungskritik. In: BEST, Joanna/ KALINA, Sylvia (Hrsg.): Übersetzen und Dolmetschen: Eine Orientierungshilfe. – Tübingen und Basel: A. Francke Verl.– S. 101-109.
- JAHNEL, Andrea (2000): Argumentation in interkulturellen Fernsehdiskussionen. – A. Jahnel. Argumentation in interkulturellen Fernsehdiskussionen.– München: Judicium Verl. – 407 S.
- KELLER, Rudi(1994): Sprachwandel: von der unsichtbaren Hand in der Sprache. 2., überarb. und erweit. Auflage. Tübingen und Basel: Francke Verl. – 238 S.
- KELZ, Heinrich P (2002): Interkulturelle Kommunikation und translatorische Prozesse in der Wirtschaft. In: BEST, Joanna/ KALINA, Sylvia (Hrsg.): Cit.op. S. 44-50.
- MUELLER-VOLLMER, Kurt (1998): Übersetzen – wohin? Zum Problem der Diskursformierung bei Frau von Stael und im amerikanischen Transzendentalismus. In: Übersetzung als kultureller Prozess: Rezeption, Projektion und Konstruktion des Fremden. Berlin: E. Schmidt.– S. 11-31.